

— Опять позвал к себе Мистер Стивенсон, Феликс? Бедолага...

— Буль-буль-буль...

— И не говорите, чуваки.

Вообще, на фоне того, какая мозголомающая дичь обитала в этом мире, я ещё слабо выделялся. Проходя по бесчисленным белым коридорам, на своём пути я то и дело встречал моих... скажем так — сокамерников.

Атлантида была разбита на ярусы. Чем ниже ярус — тем опасней была пойманная тварь. Меня поселили в самый верхний ярус, дав первый, самый низкий уровень опасности — «Малёк», официально считая чем-то вроде одержимого сбрендившего мелкого демона, даже духа, с повышенной удачей. Условно-безобидная тварюшка, у которой прав, всё же, чуть побольше, чем у тех, кто обитал на нижних ярусах. Мы с Мистером Стивенсоном оба понимали, что если объективно подходить к моей оценке, то я буду самым безопасным с конца, но в таком случае мне бы и выходить никуда нельзя было. Более того — первым делом мне запретили бы умирать, полностью обездвигив моё тело. Вполне возможно, что меня отправили бы в какую-нибудь кому, и на том бы моя история закончилась. Ну, до момента, как их мир опять не будет уничтожен. Там и я сдохну, а значит — окажусь опять на свободе.

А так, даже компания какая-то есть.

— Постоянно ему что-то надо от меня, — с детской непосредственностью пожаловался. — Иногда я побаиваюсь того, что он попросит меня сесть ему на старые коленки. А то я уже правда не знаю, что ему нужно!

— Шутишь!

— Да ладно, чувак. Это уже слишком...

— Буль-буль-буль...

Нет, реально, отличные ребята. Ну а то, что не люди — это же не приговор, а? Первый — бигфут Джо. Поймали в Канаде. Высокий, волосатый, рожа страшная, но мужик — мировой. Почти как батя. Он здесь и не заключенный, скорее, ему здесь устроили что-то типа пансионата. К сожалению, простые люди не должны его видеть. Если они увидят и поверят в то, что видят, то могут лишиться «скафандра». Без скафандра же, защитной ауры неведенья...

Океан быстренько поглотит их.

Впрочем, людей всегда может убить что-то в обход скафандра. Тут момент спорный.

Второй — буквально живая слизь. Мы зовём его Френком. Тоже крутой мужик (или что оно там), кстати говоря. Если верить его мыслеобразам, а им не верить нет смысла, Френк прибыл из другой галактики через какую-то пространственную аномалию. Скрутили его быстренько, ничего толком сделать не успел, слишком он уж заметные пространственные волны создавал. Атлантида морскую собаку на этих волнах съела: если существо создаёт достаточно сильные колебания, то его поймают в считанные недели, если не дни.

Последний — ну... Мы называем его «Человеком-мотыльком», но ему нравится, когда мы зовём его Роджером. Кажется, так звали первого человека, которого он в приступе неадекватности по ошибке сожрал. Бывает, в принципе, все мы с грешками. Гуманоидная чёрная штука,

похожая на птицу, так ещё и с крыльями мотылька. Он сам не знает, кто он, как, где и когда появился на затонувший свет, но мы его всё равно приняли. Отловили его ещё в прошлом столетии, он здесь один из самых старых представителей.

По крайней мере, на первом ярусе.

Его много раз хотели перевести на второй уровень — уровень «Пирании», но мы за своих братьев горой. Выпросили. Точнее, выпросил я у Мистера Стивенсона. Его здесь все боялись, кроме меня. А чего бояться? Максимум убьёт. Нашёл чем пугать.

— Кто знает, — скривился я. — Он слишком любит вызывать в свой кабинет маленьких мальчиков, вы не думаете?

Френк пробулькала что-то, на первый взгляд, нечленораздельное. Мы с ребятами (ну, то есть, мелкий поехавший одержимый звиздюк, волосатый гигант и чёрный мужик с крыльями мотылька) переглянулись.

— Ему плевать на мою психоэмоциональную матрицу, — криво ухмыльнулся я. — Но мой глубинный внутренний мир его определённо интересует. Это меня и пугает...

— Феликс, твой юмор иногда слишком мерзкий, как для ребёнка, — проворчал Джо. — Мы знаем, что ты не совсем ребёнок, но... Сам понимаешь.

— Зато ему легче, — дипломатично проскрежетал Роджер.

Я хихикнул. Истериčno так, безумно. Как будто меня самого не раздражала моя детская рожа, короткие пухленькие ручонки и писклявый, раздражающий голосок. Тут, чтобы поддерживать эмоциональную стабильность, только такой юмор и помогает.

Что мне нравилось в Атлантиде — здесь, на первом ярусе, давали какую-никакую (пусть и под постоянным наблюдением) свободу аномалиям. Или, как их ещё здесь называли, «рыбам». Мы могли иногда выходить и вот так общаться, что мирило многих с условиями их заключения. Меня, естественно, это не мирило, потому что надо мной не только проводили сомнительные опыты, но и заставляли периодически видеться с местечковым большим боссом.

Обменявшись ещё парочкой реплик, мы спокойно разошлись по своим делам.

Атлантида чем-то напоминала лабиринт. Множество завитков, огромное количество коридоров, лестниц. Кто-то мог бы подумать, что это гигантская больница для не самых обычных существ. По пути мне встречались не только бесчисленные камеры видеонаблюдения, но и военные, которые моё существование игнорировали чуть меньше чем полностью.

Всё же, на первом ярусе атмосфера была ещё довольно расслабленной. Очень-очень расслабленной. Мистер Стивенсон как-то устраивал мне экскурсии по другим ярусам и, должен заметить, я благодарен этому древнему злобному нечто за то, что он позволил моей маленькой особенности остаться сокрытой. Стокгольмский синдром, как он есть. За такие «вольные» гулянки меня бы там уже сто раз пристрелили. Не то, чтобы это дало какой-то особый эффект. Тут, скорее, сам факт.

Точно пансионат.

Кабинет Мистера Стивенсона я уже мог найти даже с закрытыми глазами. В самом краю корпуса, куда меня поселили, дверь в его кабинет выделялась разве что табличкой с надписью:

«Мистер Стивенсон». По-хорошему, обычно на табличках висит полная должность атланта (самоназвание), однако Мистер Стивенсон не нуждался в дополнительном представлении.

Вездесущий и, как некоторые считают, всемогущий атлант узнавался ещё в тот момент, когда сотрудники только начинали проговаривать его имя. Моя «честь», что он персонально пришёл за мной.

Чтобы его там черти из Зада драли...

Протяжно вздохнув, уже думал вломиться без стука, но потом остановил себя.

Уже однажды осмелился зайти без стука, за что поплатился отсеченной головой. Было обидно и неприятно. Сам позвал, главный черт из Зада, и сам же и убил.

— Манеры молодых людей, как же... — пробурчал я, постучав в дверь.

Удивительным образом коридор, стоило мне постучать, опустел. Любые признаки разных форм жизни исчезли, звуки, да и общая картинка стала более глухой, смазанной. Впрочем, я этому уже давно не удивлялся, да и в принципе сомневался, что хоть кто-то удивлялся. Кабинет Мистера Стивенсона существовал за пределами нашей плоскости, о чём было известно каждому уборщику. Каждый раз, когда я стучался в его кабинет, мне казалось, что я по пояс погружался в океан. Возможно, простых людей это испугало бы, но только не меня.

В каком-то смысле, океан давно стал для меня местом более родным, чем суша.

— Можешь заходить, Феликс.

Совершенно обычный старческий голос. Не было в нём ни сверхъестественных ноток, ни какой-то потусторонней жути. Разве что, кого-то могло смутить, что голос старика прозвучал где-то сзади, а не из кабинета. Тут, хочешь не хочешь, а булки сжимались.

Педобир старый.

Молча открыл белую дверь, поморщившись от ударившего в глаза света. Дверь вывела меня не в нормальный кабинет, а на грёбанный пляж. Я, если честно, так прикола и не понял. Не прикола игр с пространством, а практического удобства.

— Я никогда не пойму, как вам может быть удобно сидеть под палящим солнцем в деловом костюме, — проворчал я.

А ведь это ещё и песок в туфли попадает, жуть. А если в труселя?

Святая Мария...

Сидевшее ко мне спиной седое нечто проигнорировало мою реплику, указав на соседнее кресло. Закатив глаза, молча подошёл к ухившему в воду креслу, усевшись в него. Что ни говори, максимально сюрреалистичная картина: будто сбежавший из палаты ребёнок в белых одеждах и таких же белых тапочках сидит в офисном кресле на побережье рядом со стариком в деловом костюме. Добавить к этому полностью пустой пляж, торчавшую из-под золотистого песка белую дверь, которая, чисто в теории, никуда не должна была вести, и совсем хорошо получается.

Пришлось ещё немного посидеть в тишине. Старик с важным видом что-то писал на бумаге. В

принципе, мне посидеть на солнышке было даже в удовольствие, так что торопить Мистера Стивенсона было не с руки.

— Завтра эта ветвь будет оборвана, Феликс, — неожиданно буднично заговорил Мистер Стивенсон.

Я устало развалился на кресле, чувствуя, как оно медленно погружается в песок. Захотелось раздеться и искупнуться в водичке, но раздеваться перед этим старым педобиром как-то не хотелось. У меня есть своя гордость и честь, в конце концов.

— Что на этот раз?

На моей памяти, не учитывая мои смерти, мир окончательно, без возможности спасения уничтожали уже много раз. То какие-то слишком опасные твари прорывались из океана, то под землёй пробуждалась какая-то древняя херня, то вселенная по каким-то независимым от нас причинам коллапсировала (дерьмо случается, ничего не поделаешь), то... А, впрочем, чаще всего я даже осознавать не успеваю, что конкретно окончательно уничтожает этот мир. Всё происходит слишком быстро. Мистер же Стивенсон как-то не спешит рассказывать. Лишь под настроение.

Старик потёр виски.

— Планету уничтожит луч.

— Что за луч? — моргнул удивлённо я.

— Недавно развившаяся космическая цивилизация из соседней туманности наткнулась на нашу солнечную систему и посчитала, что мы не должны существовать, — развёл руки Мистер Стивенсон. — Их можно понять, Феликс, но, как ты понимаешь, для нас это печальный исход.

Вот так, буднично. Обычный, сука, понедельник. А ведь сегодня суббота!

— Вы уже пытались что-то сделать? — чисто формально поинтересовался.

— Эту ветвь уже не спасти, — покачал головой Мистер Стивенсон.

Значит, в других вариациях мира пытался спасти нас. Судя по всему, провал.

На самом деле, несмотря на все нюансы, мы с ним были довольно близки. Он — многомерная сущность, которая существует одновременно в охренеть скольких отражениях этого мира. Я же...

Ну, тут нужно отдельно всё уточнять. Без чего покрепче так и не объяснишь полноценно.

— Мистер Стивенсон, вы просто не стара...

Я уже думал иронично съязвить, как... Как бы сказать? Песок поглотил меня. Ожил, моментально разорвав моё тело. Как и обычно — я даже толком осознать ничего не успел, лишь на грани сознания отметить, как моё тело сверху-донизу покрыл песок, как воздух исчез из моих лёгких...

Неприятно.

Как ни странно, для меня это ничего не значило.

«Рыбы» разделялись на уровни опасности. Первый уровень, низкая опасность — «Малёк». Второй уровень, умеренная опасность — «Пирания». Третий уровень, высокая опасность — «Акула». Четвёртый уровень, критическая опасность — «Гидра». Пятый уровень, континентальная опасность — «Кракен».

Наконец, шестой уровень — космическая опасность, «Левиафан».

В таком формате, по крайней мере, делили аномалии в Атлантиде.

Возможно, я пока не мог взмахом руки уничтожать города или континенты, но моя основная способность была такова, что меня сразу можно было бы запихнуть в самый конец списка. На самом деле, меня даже «рыбой» считать было уже нельзя. Рыбу можно было поймать. Я же...

Я был рыбаком, а не рыбой. Буквально.

У древа реальности существовали собственные ветви вероятностей, которые в том числе были разделены на бесчисленные веточки поменьше. Грубо говоря, резервные копии. Каждая такая копия — отдельный мир, который был напрямую связан с главной ветвью событий, происходящих в реальности, что уже тянулась по древу.

Время — штука нелинейная. Можно сказать, что оно даже не существует. Если хапнуть чего покрепче и максимально всё упростить, то получалось так, что моя смерть автоматически значила, что одна из многочисленных резервных копий более не существовала. Что она и не появлялась никогда. Ничего не уничтожалось, никакая энергия не высвобождалась. Резервная копия просто отменялась. Моё же сознание прыгало в соседнюю, ПОКА ЧТО существующую другую резервную копию.

Реальность мигнула.

Полностью невредимый, я вновь сидел в кресле напротив что-то читавшего многомерного нечто.

В отличие от меня, он не прыгал по веточкам реальности. Он существовал в них одновременно. Где-то умирал, где-то продолжал разносить свою старческую пыль. Может возникнуть вопрос, почему он ещё не спас этот проклятый мир во всех его вариациях, но, к сожалению, он был далеко не всемогущим, как бы абсурдно это ни звучало. Здесь, в этом ебнутом ужасе в кубе, всегда находилось нечто такое, что могло размазать тебя по континууму, насколько бы сильным ты ни был. Я, как тот, кто побывал в самых глубинах океана, мог сказать это с полной уверенностью.

Как и я, Мистер Стивенсон хочет создать как можно более удачную ветвь, которую уже превратит в полноценное новое древо.

Увы, судя по всему, было слишком поздно. Как минимум — для ветви, в которой мы на данный момент существовали. Стоит уточнить, что если события в маленьких веточках отличались не сильно, если вообще отличались, то другая ветвь значила уже более масштабные изменения.

Так, изначально я жил в ветви, где не был знаком с Джо. Возможно, когда его ловили, то убили. Или его просто не существовало. Другая ветвь означала более глобальные мировые изменения. Чисто теоретически, каждая резервная копия могла стать полноценной ветвью, от которой уже пойдут свои ветви, но на практике это реализовывалось намного тяжелее, чем может показаться изначально.

Всё же, мироздание любило какую-никакую стабильность. Правда, в рамках человеческого мышления, я эту стабильность вертел на своём пока ещё растущем болте.

— Я даже закончить реплику не успел, — фыркнул я.

— Ты её закончил в других ответвлениях, — отстранённо заметил Мистер Стивенсон, вновь погрузившись в свои бумажки. Рассмотреть, что в них было написано, не получалось: текст убегал. — Эту ветвь уже спасти не получится. Придётся искать новую, Феликс.

— Первый раз, что ли, — пожал плечами я, впрочем, немного погрузнев. Возможно, в новой ветви не будет моих братанов. — Значит, получится избежать на этот раз экспериментов.

Старик улыбнулся.

Его лицо никогда не удавалось полностью рассмотреть. Передо мной совершенно точно сидел обычный старик, я мог это сказать с полной уверенностью, но его лицо... Нет. Оно будто и не существовало. Мираж. Парадоксально, что только я это понимал. Остальные, к сожалению, не могли похвастаться формой квантового бессмертия.

Штука, как ни посмотри, довольно редкая. Это если пытаться играть в фальшивую скромность.

— Ты прав, Феликс, но ещё не понимаешь масштаб, — навёл туману старик, улыбнувшись чуть шире. — Я хочу попробовать кардинально другую тактику, и ты мне в этом поможешь. С моей подачи, мы вместе запустим цепочку событий, которая создаст абсолютно новую ветвь. Возможно, она будет более удачной.

— О? — удивлённо вскинул бровь. — И чем же будет выделяться эта ветвь?

— С самого начала я думал, что Атлантида сможет помочь сохранить этот мир, — откинулся на спинку кресла Мистер Стивенсон, начав принимать солнечные ванны. — Благодаря Атлантиде мир прожил намного дольше, чем должен был, и я видел в этом потенциал. Но теперь я понимаю, что из меня не лучший руководитель.

— Вы это только се...

Моя голова взорвалась.

Реальность мигнула.

Понял, принял, осознал.

— И что вы собираетесь сделать? — как ни в чём не бывало поинтересовался.

— Узнаешь, — многообещающие заверил меня Мистер Стивенсон. — Завтра тебя не тронут, я заберу тебя с собой. Мы будем наблюдать за всем из первых трибун, мой юный друг.

Я безумно хихикнул.

Ути-пути какой добрый дедушка. Друг, да?

Эксперименты. Как же я их ненавидел. Для местной конторы, не считая Мистера Стивенсона, я был одержимым с необычными способностями. Очень, безумно удачливым. Способным пережить любой опыт, начиная от приёма какой-то дряни и заканчивая прямым воздействием

различных энергетических импульсов, которые хрен знает сколько раз просто убивали мою тушку. Грёбаная ошибка выжившего. Изначально они лишь следили за работой моего мозга, но потом...

Потом нечто передо мной решило, что может использовать меня и иначе.

Я мог здесь существовать, как первый уровень опасности, но ко мне относились так, будто я был третьим уровнем, если не четвёртым.

— Как скажете, — пожал плечами. — У меня всё равно нет выбора. Буду ждать. Если это всё, я могу идти?

Мистер Стивенсон отмахнулся от меня, словно от мошки.

Я какое-то время смотрел на этого древнего многомерного ублюдка, в конечном итоге фыркнув.

— Над манерами следует задумываться не то...

Кресло ожило и сожрало меня.

Реальность мигнула.

— ...

Я какое-то время сидел в тишине, после чего молча поднялся и пошёл к белой двери. Уже собираясь открыть её, неожиданно развернулся и вытянул руку. Камешек у побережья тут же подлетел ко мне в руку. К счастью, Мистер Стивенсон не стал меня убивать из-за такого сувенира. Плевать, что он исчезнет. Нужно уметь ценить каждый миг существования.

Довольно хмыкнув, открыл дверь, возвращаясь в подобие нормального мира.

Первым делом нужно было заранее попрощаться со своими братами.

Что-то подсказывало, что новая ветвь, про которую говорит Мистер Стивенсон, довольно кардинально изменит моё положение. В прошлые разы, во всяком случае, он по этому поводу меня не вызывал. Просто ставил перед фактом. Посмотрим. Меня уже тяжело чем-то удивить, если вообще возможно.

На полпути остановился, почувствовав укол обиды.

— Моя мазня в комнате тоже перестанет существовать?..

После же осознал, что каким-то образом мне в труселя попал песок.

Очень, сука, смешно.

<http://tl.rulate.ru/book/98238/3323423>